РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ И СОВЕСТИ РОССИЙСКИХ СУДЕЙ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ИСТИННОЙ И ПОЛНОЙ КАРТИНЫ РАССМАТРИВАЕМЫХ ДЕЛ И ВЫНЕСЕНИИ ПРАВОМЕРНЫХ И ЦЕЛЕСООБРАЗНЫХ РЕШЕНИЙ И ПРИГОВОРОВ

Осипян Б. А.

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Россия), 117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34, artos5@mail.ru

УДК 347.962
ББК 67.711(2Рос)-71

В своей научно-прикладной статье «Роль правосознания и совести российских судей при выявлении истинной и полной картины рассматриваемых дел и вынесении правомерных и целесообразных решений и приговоров» автор посредством верного определения понятий «сознание», «правосознание», «добрая совесть», «надлежащее судопроизводство и правосудие» выявляет необходимые личные и профессиональные качества настоящих российских судей, а также предлагает целостную систему теоретических, концептуальных, законодательных, организационных и практических мер для существенного улучшения и повышения уровня российского судопроизводства и правосудия

Ключевые слова: сознание, правосознание, совесть, надлежащее судопроизводство и правосудие

THE ROLE OF REHABILITATION AND CONSCIENCE OF RUSSIAN JUDGES AT THE DETECTION OF THE TRUE AND COMPLETE PICTURE OF THE CONSIDERED MATTERS AND OF THE PRESENTATION OF RIGHT-DIMENSIONAL AND PERFECT DECISIONS AND TREATIES

Osipyan B. A.

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Legislation and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation (Russia), 117218, Russia, Moscow, ul. B. Cheremushkinskaya, 34, artos5@mail.ru

In his scientific and applied article “The role of the legal conscience and conscience of the Russian judges in revealing the true and complete picture of the cases under consideration and making lawful and expedient decisions and sentences”, the author, through a correct definition of the concepts “consciousness”, “legal conscience”, “good conscience”, “proper justice and justice “reveals the necessary personal and professional qualities of these Russian judges, and also offers an integrated system of theoretical, conceptual, legislative, organizational and practical Measures to significantly improve and improve the level of Russian justice and justice

Key words: consciousness, sense of justice, conscience, due process and justice

Надлежащее и истинное сознание («conscience») и совесть (*лат*. – «conscientiam», «consciousness») каждого богообразно созданного и разумного человека суть не что иное, как благая весть (со-весть) и истинное знание (со-знание) с Богом-Творцом, сообщение и знание из «первых рук», по откровению свыше, не от самих грешных и несовершенных людей, а непосредственно от Самого Бога посредством врождённого, запечатлённого в душе человека «инстинкта», т.е. вложенной в каждого человека Богом-Создателем с момента его зачатия и рождения системы или программы истинных сообщений и знаний, из которого потом составляется изначальная и точная наука о всех вещах и явлениях жизни каждого человека и всего совершенного и нерукотворного мироздания. Понятия права и закона, которые врождённо вписаны во внутренней памяти, душе и совести, каждого человека и непосредственно действуют в его повседневном образе жизни. В этом смысле и свете сознание

© Осипян Б. А., 2018

надлежащей идеи права и правомерного закона (правосознание) и добрая действующая совесть настоящего судьи представляют собой как бы входную дверь самой истины, на которой зиждилось и для которого свершалось всякое надлежащее правосудие [1].

С самых древних времён судопроизводство и правосудие всегда совершалось и ныне может совершиться только на основании верного правосознания, чистой и доброй совести, разума и положительного жизненно опыта судей и других участников судебного процесса. Иными словами, сознательный, добросовестный и добропорядочный судья для вынесения справедливого и благотворного решения или приговора всегда должен милостиво представить себя на месте потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, как бы временно во время всего судопроизводства мысленно побыть на их месте, любовно сострадать всем им, понять их и делать по своему богоданному и врождённому сознанию и незапятнанной совести то, что, несомненно, хорошо послужило бы для конечного блага каждого человека и общественной пользы.

Для надлежащего судопроизводства всем сторонам и участникам судебного процесса (прокурорам, адвокатам и судьям) необходимо вначале публично и торжественно принести присягу о том, что каждый из них будет исполнять своё профессиональное предназначение сознательно, добросовестно и правосудно. Представляется, что всё это внесло бы в судебный процесс необходимую духовно-правовую тональность и соответствующий ритм, равно как и оказало бы благотворное воздействие не только на наблюдающих за судебным процессом простых граждан, но также и на правомерное и целесообразное разрешение участниками судебного процесса каждого рассматриваемого ими спора или дела. И это то, что, по-моему, нам сегодня очень не достаёт в российском правосознании, законодательстве и практике гражданского и уголовного судопроизводства.

Даже в наше время, время существенной утраты любви и веры, духовно-правовых корней государства, закона и суда, в процессе любого надлежащего и правомерного гражданского или уголовного судопроизводства в какой-то мере по традиции применяются не только юридические нормы, закреплённые в ГПК РФ, УПК РФ и других законодательных актах, но и духовно-нравственные принципы и правовые нормы, которые проистекают из личных соображений и представлений участников уголовного судопроизводства и, в особенности, судей о добре и зле, о справедливости, о совести, человеческом достоинстве и чести, о гражданском долге, о профессиональном развитии [2] и этике судьей и т.д. Вся система правомерных концептуальных идей, принципов и норм российского гражданского и уголовного процесса, важнейшие из которых происходят из определённых духовно-нравственных и правоохраняемых ценностей, целеположенных правовых аксиом, постулатов и императивов, запрещают выполнение действий или принятия судебных решений, которые могли бы противоправно отрицать или произвольно попирать и унизить богоданное и потому абсолютное достоинство простого человека [3] и законные права участников гражданского или уголовного судопроизводства.

Предположительно исходя из определённых духовно-нравственных корней, например, статья 17 УПК РФ устанавливает, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают собранные и представленные в ходе уголовного судопроизводства доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и своей совестью. При этом в этой статье не уточняется ни понятие «совести», ни то, кому она принадлежит, поскольку тогда, когда закон является орудием общего руководства, совесть всегда бывает и остаётся только личной. При этом под русским словом «совесть» обычно понимается некое верное и должное «внутреннее убеждение» судьи, адвоката, прокурора, следователя или дознавателя, что, к сожалению, не делает понятие «совести» более определённым и действующим.

Более того, поскольку понятие совести имеет духовно-нравственное основание и потому изначально имеет метаправовой или надзаконный характер, следует в статье 17 УПК РФ понятие «совести» ставить перед понятием «закона», которыми должны руководствоваться не только российские судьи, прокуроры, дознаватели и следователи, но также адвокаты, защищающие права и законные интересы потерпевших, обвиняемых и подсудимых. Следовательно, в статью 17 УПК РФ необходимо внести дополнительное законодательное уточнение в виде понятий «надлежащего правосознания» и «доброй совести», или «добросовестности», и достаточного жизненного опыта и ответственности каждого российского судьи, без которых трудно ожидать справедливого, обоснованного и законного решения или приговора. Кстати говоря, указанные законодательные дополнения касаются не только правомерной деятельности российских судей, но и всех тех лиц, которые по своей государственной должности предназначены поддерживать точное исполнение и строго соблюдать все правомерные и целесообразные требования постоянно развивающегося и совершенствующегося российского законодательства [4].

Понятия «надлежащего правосознания», «доброй совести», полной личной «беспристрастности и независимости», «ответственности» и административной «независимости судей», «свободы оценки доказательств», «внутреннего убеждения» судей необходимо ввести также и в статью 5 УПК РФ. Причём понятия «надлежащего правосознания» и «доброй совести» необходимо внести в Основной закон России, в частности, в содержание

статьи 120 Конституции РФ, поскольку именно благодаря руководству своей личной совести российские судьи и иные участники и производители дознания, предварительного следствия и правосудия (полицейские дознаватели, следователи, прокуроры, адвокаты) могут стать действительно независимыми от противоправного или неправомерного чужого мнения и станут способными верно воспринимать и оценивать положения Конституции РФ и законов надлежащим и должным образом.

В контексте сказанного в статью 17 УПК следовало бы также внести отражающее содержание обновлённой статьи 120 Конституции РФ законодательное дополнение о полной беспристрастности и административной независимости российских судей и подчинению их только надлежащей идее права, правомерного закона и своей доброй совести для вынесения обоснованных и законных судебных решений и приговоров. В частности, в высоком правосознании российских правоохранителей и судей должна всегда и во всех случаях быть поставлена высшая и общеобязательная цель постоянного стремления, всемерного выявления и установления объективной истины по рассматриваемым ими гражданским и уголовным делам, в частности, достижения главной цели выявления истинной и полной картины случившегося спора , правонарушения или преступления, конкретных обстоятельств предполагаемых или совершённых преступлений и всех относимых, допустимых и достаточных фактов и доказательств по рассматриваемым ими делам, на основании которых только и могут и должны быть вынесены обоснованные, справедливые и законные судебные решения, постановления или приговоры.

В этом свете и контексте под надлежащим и высоким правосознанием и доброй совестью российского судьи, который призван осуществлять гражданское или уголовное судопроизводство, следует понять совокупность духовно-правовых и мировоззренческих взглядов отечественных судей на действие надлежащей и непреходящей идеи права, правомерного закона и положительной правоприменительной практики, массовое или групповое сознание идеи права всем профессиональным сословием российских судей, их восприятие и претворение тех высоких и долговременно устоявшихся в нормальной общественной жизни полезных правовых ценностей, целей, принципов, которые необходимы и достаточны для верного, надёжного и полезного осуществления гражданского и уголовного судопроизводства и правомерного государственного строительства [5], утверждения правосудия и поддержания устойчивого общественного правопорядка.

Нетрудно заметить, что в Преамбуле Конституции РФ 1993 года устанавливается и закрепляется понятие «веры в добро и справедливость». В этом смысле вполне очевидно и понятно то, что понятия «право», «суд», «справедливости», «правосудие» и даже «государство» имеют одни и те же духовно-нравственные корни – «прав» и «суд». Следовательно, эти однокоренные слова и понятия как сущностно, так и содержательно немыслимы и нереализуемы друг без друга. От понятий «справедливый», «правосудный» и «правомерный» производен термин – «обоснованный» и «законный» судебный приговор.

Для того чтобы в какой-то мере законно определить общий фон и главные направления российского уголовного судопроизводства, необходимо в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства» УПК РФ внести важное законодательное дополнение о принципе вынесения обоснованного и законного судебного решения и приговора на основе предполагаемой добросовестности и достаточно высокого правосознания российского судьи. В частности в статью 17 УПК РФ необходимо вместо неопределённого словосочетания «внутреннее убеждение судьи» внести законодательное определение понятия «надлежащего (т.е. лежащего над земными суевериями и пристрастиями судьи) правосознания» и «доброй (т.е. ещё не запятнанной и порочной, неподкупной и бесстрашной) совести» российского судьи, а также высшей цели всемерного поиска и установления истины по рассматриваемым судьями делам, т.е. цели инициативного и ответственного выявления, по возможности, всех истинных фактов и обстоятельств возникшего спора или совершенного правонарушения или преступления для постоянного поддержания общественного правопорядка [6].

О «судейской совести» и присяги в России известно было с давних времён. К примеру известный российский юрист дореволюционной эпохи А. Ф. Кони рассматривал «судейскую совесть» как «»силу, поддерживающую судью и вносящую особый, возвышенный смысл в творимое им дело» [7]. В статье 8 ныне действующего Закона РФ «О статусе судей в РФ» в форме должностной присяги и клятвы содержится обязанность российских судей честно и добросовестно осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, долгу и личной совести [8]. По верному мнению судьи М. А. Амаровой, «совесть выступает важнейшим выражением нравственного самосознания личности, она связывает воедино разум и эмоции, поскольку проявляется и в форме рационального осознания совершаемых действий с позиций нравственности и в форме эмоциональных переживаний… Совесть является важнейшим регулятором поведения человека в обществе, поэтому и выступает как один из инструментов оценки преступных деяний» [9]. В связи с этим выдвигаются разные мнения о необходимости предварительной проверки будущих российских судей на предмет наличия у них доброй совести с использованием полиграфа или детектора лжи [10]. Многими российскими учёными юристами предполагается, что только при наличии у каждого судьи доброй совести

возможен нравственный самоконтроль при вынесении всякого судебного решения и приговора [11].

Надлежащее или высокое правосознание и добрая совесть российских судей в гражданском и уголовном судопроизводстве являются основными столпами и условиями (гарантами) для утверждения российского правосудия, в частности, для вынесения обоснованного, справедливого и законного приговора, поскольку бессовестный, несознательный, юридически не совсем образованный, недостойный, подневольный и зависимый от произвольного мнения чужих людей корыстный, «купленный», постоянно оглядывающийся по сторонам и боящийся собственной тени трусливый судья никак не способен и потому нисколько не может иметь искреннего желания объективно, всесторонне, самостоятельно и ответственно рассматривать гражданские или уголовные дела, а также и выносить справедливые решения и приговоры, основанные на выявленных и правильно оцененных истинных фактах и обстоятельств того или иного гражданского или уголовного дела.

Вовсе не случайно то, что в статье 332 УПК РФ присяжные заседатели обязываются принести соответствующую присягу о добросовестном, честном и беспристрастном исполнении возложенных на них обязанностей и рассматривать уголовное дело «по своему внутреннему убеждению и совести…». Очевидно, что перед рассмотрением каждого уголовного дела такое требование публичной и торжественной присяги о добросовестном и беспристрастном разрешении уголовного дела должно быть предъявлено каждому российскому судье, которому поручено рассмотрение того или иного конкретного уголовного дела. В связи с этим в УПК РФ необходимо внести соответствующее законодательное дополнение, предусматривающее предварительную осознанную присягу всех мировых и федеральных российских судей [12].

Примерный текст предполагаемой торжественной присяги российских судей и присяжных заседателей в указанной статье 332 УПК РФ может звучать следующим образом: «Приступая к исполнению ответственных обязанностей российского судьи или присяжного заседателя, публично и торжественно присягаю добросовестно, беспристрастно, неподкупно и бесстрашно исполнять все требования надлежащей идеи права и правомерного государственного закона, принимать во внимание все собранные, представленные сторонами судопроизводства и рассмотренные в суде необходимые, допустимые и достаточные предметы, документы и иные доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать каждое уголовное дело по своему личному правосознанию, личному внутреннему убеждению и жизненному опыту, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как это подобает каждому достойному человеку, свободному и ответственному гражданину, любящему и верящему на надлежащую идею права, правомерного закона, государства, правосудия и общественного правопорядка». Такие сильные слова, произнесённые публично и в торжественной обстановке, как нам представляется, не могут оставаться бездейственными и бесполезными для каждого разумного человека, какими предполагаются быть российские судьи.

В свете этого под российским уголовным судопроизводством или правосудием подразумевается не что иное, как правомерная, законная и справедливая деятельность судей и судебных органов, сознательное, добросовестное, объективное, беспристрастное, неподкупное и бесстрашное, всестороннее, глубокое рассмотрение, основанное на истине и законе справедливое разрешение каждого гражданского или уголовного дела. Следовательно, без надлежащего правосознания, доброй совести и чувства справедливости российские судьи, рассматривающие конкретные гражданские или уголовные дела, надлежащее судопроизводство и правосудие нисколько не мыслимы и потому не осуществимы. Иными словами, безбожный, бессовестный, невежественный, юридически не сознательный, не вполне образованный, своекорыстный, пристрастный и трусливый судья не может надлежащим образом рассматривать гражданские или уголовные дела и выносить по ним основанные на истине и законе правомерные, справедливые, или правосудные решения или приговоры.

В этом свете правомерное, основанное на истине и законе справедливое судебное решение или приговор представляет собой в высшей степени правильное, соответствующее объективным законам устойчивого существования и поступательного развития каждого духовно просвещённого и цивилизованного народа и человеческого общества государственно установленное верное решение, посредством которого претворяются общее и конечное благо человеческой личности и многоразличные полезные интересы людей во всех традиционных религиозных, нравственных, исторических, национальных, языковых, этических, эстетических и иных измерениях, как в своей целевой сущности, так и в своём смысловом содержании, законодательной и судебно-исполнительной форме. Статья 297 УПК РФ предусматривает также важный принцип законности, обоснованности и справедливости каждого вынесенного судебного решения и приговора.

С точки зрения надлежащего судопроизводства в полном перечне российских уголовно-процессуальных принципов, установленных в главе 2 УПК РФ, на наш взгляд, отсутствует необходимый и весьма важный принцип процессуального равноправия сторон уголовного судопроизводства, который установлен в статье 123 Конституции РФ. Между тем, без полномерного действия принципа процессуального равенства прав сторон судопроизводства само действие принципа

добросовестной состязательности сторон уголовного судопроизводства практически не возможно, а без действия принципа добросовестной состязательности сторон судопроизводства их равные процессуальные права просто нереальны, бесполезны и бессмысленны. Однако принцип добросовестной состязательности сторон в уголовном судопроизводстве предусмотрен как важнейший уголовно-процессуальный принцип в статье 15 УПК РФ, тогда как принцип равенства процессуальных прав сторон уголовного судопроизводства установлен не в главе 2 УПК «Принципы уголовного судопроизводства», а лишь в обычной статье 244 УПК РФ, что представляется не совсем уместным по причине исключительной судебно-правовой важности этого принципа для российского правосудия.

В практике российского уголовного судопроизводства подчас бывают случаи, когда стороны подчас пытаются недобросовестно и нечестно исказить действие принципа добросовестной состязательности сторон судопроизводства посредством совершения действий, которые могут ввести дознавателей, следователей, прокуроров и судей в недоразумение, обман и заблуждение, нередко отказ от осуществления правосудия [13]. Для пресечения подобных действий состязающихся сторон и участников уголовного процесса в соответствии со статьями 47 и 49 и 56 УПК РФ обвиняемый и его защитник, а также свидетели обвинения или защиты и другие участники судебного процесса должны нести правовую ответственность за недобросовестное и предумышленное введение дознавателей, следователей, прокуроров и суд в заблуждение своими показаниями или иными действиями. Такую же ответственность согласно статьям 57, 58 и 59 УПК РФ должны нести эксперты, специалисты и переводчики за точность сделанного ими заключения или перевода.

Российские судьи, при действии таких краеугольных и соподчинённых принципов судопроизводства, как процессуальное равноправие и добросовестная состязательность противоположных сторон судопроизводства, обязаны стать предприимчивыми (инициативными и активными) соучастниками выявления и утверждения истины, правды и справедливости, чтобы вольно или невольно не стать высокопоставленными поборниками и распространителями обмана, лжи, произвола, несправедливости и беззакония. Представляется, что в этом должна заключается пристрастная к истине и всенародному благу предназначение и ведущая роль российских судов в должном осуществлении и надёжном утверждении гражданского и уголовного судопроизводства и правосудия.

Сознательная, добросовестная, ведущая и заинтересованная в выявлении истины по уголовному делу позиция суда должна, в частности, проявляться также и в процессе разрешения вопросов, которые связанны с исключением доказательств из представленных равными и состязающимися сторонами уголовного судопроизводства доказательств. В этом аспекте, как нам представляется, на основании части 4 статьи 88 УПК РФ суд не только имеет право, но и соответствующую обязанность по собственному почину или инициативе признать любое полученное ими незаконным способом доказательство противозаконным и непригодным для вынесения того или иного судебного решения или приговора. Такое важное и исключительное право суда проистекает из его высшего предназначения, которое состоит в добросовестном и объективном выявлении всех истинных обстоятельств рассматриваемого уголовного дела и наказания виновных лиц в целях восстановления нарушенного преступниками права пострадавших от преступления лиц и поддержания устойчивого социального правопорядка.

Таким образом, принцип установления полной и истиной картины по уголовному делу соотносится к принципам процессуального равенства и добросовестной состязательности сторон уголовного судопроизводства как цель и средство, при которых основной и конечной целью уголовного правосудия является по возможности всестороннее, полное и объективное исследование судом достаточной полноты и совокупности истинных фактов и доказательств, на которых дожжен быть основан справедливый и закон приговор суда, а средством является создание судом условий для добросовестной состязательности процессуально равных сторон – обвинения и защиты, – с целью уверенного, достоверного, достаточно доказанного и безошибочного постановления обвинительного или оправдательного приговора, своевременного наказания виновных и оправдания невинных лиц.

По верному замечанию известного российского юриста-процессуалиста А. Я. Сухарева, в ныне действующем УПК РФ содержатся серьёзные недостатки: «Не совсем логично воспринимается статус самого суда, его председательствующего в установлении истины по делу как ведущей цели правосудия. Почему-то это стержневое целеполагание изъято из процессуального оборота…» [14]. По мнению Ю. В. Кореневского [15], здесь речь, конечно, идёт о необходимости предприимчивого выявления судом конкретных истинных обстоятельствах по рассматриваемым делам. Представляется, что российский суд однозначно вправе и потому обязан заинтересованно, добросовестно, но без пристрастия к позиции той или иной стороны уголовного процесса устанавливать, в том числе и по своей инициативе, реальные факты (истину), характеризирующие событие расследуемого преступного деяния, с целью установления вины и наказания его участников и восстановления нарушенного права. Вовсе не случайно то, что некоторые известные российские учёные процессуалисты выступают за восстановление в ныне действующем УПК РФ

требований к рассматривающему уголовное дело суду, которые были установлены в статьях 2, 3, 20 и 243 УПК РФ с целью всестороннего, полного и объективного раскрытия истинных обстоятельств расследуемого преступления и свершения надлежащего правосудия.

Главными задачами необходимой судебной реформы в России являются осуществление и утверждение независимой, беспристрастной, правомерной и справедливой судебной власти как самостоятельной ветви власти, независимой от законодательной и исполнительной ветвей единой государственной власти, надёжная защита конституционных прав и свобод личности в судопроизводстве посредством повышения достоверности и доступности не засекреченной и своевременной информации о деятельности органов полицейского дознания, предварительного следствия, прокуратуры, адвокатуры и суда.

В Конституции РФ, Законе о Конституционном Суде РФ и в действующих ГПК РФ и УПК РФ, к сожалению, отсутствует принцип добросовестности и беспристрастности российских судей при рассмотрении и разрешении разноотраслевых дел. Следовательно, наряду с принципом независимости судей во всех соответствующих законах России необходимо также дополнительно закрепить принцип добросовестности и беспристрастности судей, без которого действие принципа независимости судей и других принципов, закреплённых в статьях с 6 по 19 УПК РФ, будет неполным и недостаточным для выполнения российскими судами своего высокого общественно-правового и государственного предназначения.

Представляется, что для полномерного претворения краеугольного конституционного и уголовно-процессуального принципа сознательного, добросовестного, всестороннего, и беспристрастного рассмотрения и выявления истинных обстоятельств по уголовному делу в главу 2 УПК РФ внести наряду с принципом ответственной свободы оценки доказательств внести дополнительный принцип свободы для всех сторон уголовного судопроизводства сбора и закрепления доказательств в уголовном судопроизводстве всеми не запрещёнными законом способами и средствами. Российские суды, как основная, ведущая, руководящая и направляющая правоохранительная и правоприменительная сила государства и общества, должны быть вправе не ставить себя на один уровень со состязающимися сторонами судопроизводства (сторонами государственного или прокурорского обвинения и адвокатской защиты), и потому обязаны быть ответственными и активными субъектами выявления истинных обстоятельств по уголовному делу, а не идти пассивно на поводу более профессионально подготовленной стороны уголовного процесса – настойчивого прокурора или изворотливого и красноречивого адвоката.

Для более широкого и глубокого осознания высокой социально-политического важности гражданского и уголовного судопроизводства и вынесения основанных на истинных обстоятельствах уголовного дела справедливых, обоснованных и законных судебных определений, постановлений и приговоров в первую очередь необходимо концептуально, законодательно и практически выработать систему надлежащих законодательных и организационных критериев для более тщательного, неспешного, правильного духовно-нравственного профессионального подбора достойных кандидатур и назначения их на государственные должности российских судей разных инстанций.

В этих же целях весьма правомерно и целесообразно было бы также применять к не совсем сознательным, добросовестным, пристрастным и безответственным судьям и другим участникам российского уголовного судопроизводства необходимые и строгие меры по своевременному привлечению их к соответствующей юридической ответственности, соразмерному взысканию и наказанию в тех случаях, когда они вопреки требованиям элементарных этических норм поведения (проявлении духовной и нравственной дикости, привычного бытового хамства, явного бескультурья, неприкрытой грубости, неуважительного отношения к достоинству человека, невежливого отношения к самим участникам уголовного судопроизводства) пытаются произвольно руководить судебным процессом и на основе своего духовно-нравственного и профессионального невежества, чувства предвзятости и предрассудков (корысти, зависти, ненависти, неприязни, вражды, своекорыстия, купленной и опороченной совести, страха потерять свою должность или чрезмерное желание ускорить свой карьерный рост), также безнаказанно вынести то или иное противоправное и несправедливое судебное решение или приговор. В этом смысле огромное значение имеет не только и не столько совершенное состояние и своевременное действие российского законодательства, сколько общая духовно-нравственная и право-идеологическая установка и профессиональная атмосфера, которая преобладает во всём российском правоохранительном и судейском сообществе.

Представляется также, что было бы вполне правомерным и целесообразным перед рассмотрением гражданских и уголовных дел приводить к публичной и торжественной присяге всех федеральных и мировых российских судей и присяжных заседателей. Ведь, как известно, многовековая история правосознания и правосудия в России знает немало случаев и хороших примеров, когда российские судьи разных инстанций по закону обязаны были перед началом рассмотрения того или иного гражданского или уголовного дела лично присягать в своей богоданной и необходимой для свершения правосудия добросовестности, беспристрастности, ответственной своей свободе от

какой-либо административной подневольности или иной личной приверженности или зависимости от противоправного мнения разного рода властных, авторитетных, богатых или своекорыстно заинтересованных людей, а также постоянно стремиться к повышению своей профессиональной способности и приобретению навыков выносить основанные на истине и правильной логике, понятии правомерности и правомерном законе справедливые судебные решения и приговоры в целях утверждения правосудия и укрепления основ надлежащего общественного правопорядка [16].

Литература:

1. Осипян Б. А. Понятие и проблемы суда, правосудия и государства // Возможности укрепления правовых основ Российского государства органами конституционного правосудия. М. 2009. С. 3–4.
2. Карнозова Л. М. Гуманитарные начала в деятельности судьи в уголовном процессе. М.: Проспект. 2004. С. 3.
3. Осипян Б. А. Достоинство человека как высшая правоохраняемая ценность // Вопросы правоведения. 2011. №1 (9). С. 85–101.
4. Осипян Б. А. Идея саморазвивающейся правовой системы // Журнал Российского права. 2004. №4. С. 71–79.
5. Осипян Б. А. Смысл государственного строительства, управления и правосудия // Право и жизнь. 2014. №194 (8). С. 61–84.
6. Осипян Б. А. Основание и система правовой ответственности и наказания: различение понятий «imputatio», «indictare», «sanctio», «poena» // Современное право. 2007. №5. С. 77–85.
7. Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Общие черты судебной этики // Избранные труды и речи. Тула. 2000. С. 90.
8. О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года №3132 . Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».
9. Амарова М. А. То, что называется «судейской совестью» //Ваше право.2014. №7. С. 60–61.
10. Дикарёв И. С. Значение совести при оценке доказательств присяжными заседателями // Законность. 2007. №11. С. 22.
11. Белохоротов И. И. Оценка доказательств судом первой инстанции по уголовному делу: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2011. С. 148.
12. Осипян Б. А. Правосознание человека и общественный правопорядок // Научная мысль. 2016. №2. С. 108–124.
13. Осипян Б. А. О мерах по искоренению порочной системы отказа в правосудии // Адвокат. 2009. №1. С. 76–80.
14. Сухарев А. Я. Предисловие к Комментарию УПК РФ. М., 2002. С. 11.
15. Кореневский Ю. В. Вопрос об истине – вопрос практический // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. М., 2000. С. 143–147.
16. Осипян Б. А. Надлежащий социальный правопорядок как первооснова и конечная цель действия человеческого правосознания и правомерного закона // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. 2016. №1. С. 24–32.

References:

1. Osipyan B. A. Concept and problems of the court, justice and the state // Possibilities of strengthening the legal basis of the Russian state by the bodies of constitutional justice. M. 2009. P. 3–4.
2. Karnozova L. M. Humanitarian principles in the activities of a judge in criminal proceedings. Moscow: Prospekt. 2004. P. 3.
3. Osipyan B. A. Human dignity as the highest law-guarded value // Questions of jurisprudence. 2011. №1 (9). Pp. 85–101.
4. Osipyan B. A. The idea of a self-developing legal system // Journal of Russian Law. 2004. №4. P. 71–79.
5. Osipyan B. A. The meaning of state building, administration and justice // Right and Life. 2014. No. 194 (8). P. 61–84.
6. Osipyan B. A.. The basis and system of legal responsibility and punishment: the distinction between the concepts “imputatio”, “indictare”, “sanctio”, “poena” // Modern law. 2007. №5. P. 77–85.
7. Koni A. F. Moral principles in the criminal process. Common features of judicial ethics // Selected works and speeches. Tula. 2000. P. 90.
8. On the status of judges in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of 26 June 1992 №3132. Access from the legal system “ConsultantPlus”.
9. Amarova M. A. What is called a “judicial conscience” // Your right. №7. P. 60–61.
10. Dikaryov I. The Significance of Conscience in Assessing Evidence by Jurors // Legitimacy. 2007. №11. P. 22.
11. Belokhorotov I. I. Evaluation of evidence by the court of first instance in the criminal case: diss. ... cand. Jur. sciences. Krasnodar, 2011. P. 148.
12. Osipyan B. A. Human legal awareness and public law and order // Scientific thought. 2016. №2. P. 108–124.
13. Osipyan B. A. On measures to eradicate the vicious system of denial of justice // Advocate. 2009. №1. P. 76–80.
14. Sukharev A. Ya. Preface to the Commentary of the Code of Criminal Procedure. M., 2002. P. 11.
15. Korenevsky Yu. V. The question of truth is a practical question // Proving in a criminal trial. Traditions and modernity. M., 2000. P. 143–147.
16. Osipyan B. A. The proper social legal order as the primary basis and ultimate goal of the action of human sense of justice and lawful law // “Black holes” in Russian legislation. 2016. №1. P. 24–32.